

Алексей Иванович Мороз
управляющий партнер,
адвокат Адвокатского бюро «Эксиора»

Новый подход ВС РФ к исчислению срока исковой давности

**Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
ВС РФ от 29.01.2018 № 310-ЭС17-13555**

Мы творим зло с наибольшим усердием тогда,
когда нас побуждает к этому совесть чистая,
но соvrащенная заблуждением.

Эдвардс Трайон

Данное дело еще до опубликования самого определения ВС РФ от 29.01.2018 № 310-ЭС17-13555 вызвало огромный интерес как в среде практикующих юристов, так и в научном сообществе. Дополнительным толчком к этому послужило внимание со стороны некоторых СМИ¹ и поведение самого Суда при рассмотрении жалобы. Тройка откладывала заседание и просила заявителя подготовить дополнительные пояснения, в том числе по вопросам выбранного способа защиты своих прав в рамках настоящего дела и причин пассивного поведения в деле о банкротстве.

Безусловно, сам судебный акт наполнен духом справедливости, но методы достижения Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (далее — Коллегия)

¹ См.: *Исмагилова Г.* ФНС приходит дважды. ВС решил, можно ли взыскать убытки с конкурсного управляющего, если раньше суды отказали в этом // Закон.ру. 2018. 22 янв. URL: https://zakon.ru/discussion/2018/01/22/fns_prihodit_dvazhdy_vs_reshal_mozhno_li_vzyskat_ubytki_s_konkursnogo_upravlyayuschego_esli_ranshe_.

поставленной цели вызывают определенные сомнения. Предложенная Коллегией логика может стать очень опасным прецедентом. Остается надеяться, что ее применение ограничится комментируемым делом и не получит широкого распространения, а также что речь не идет о введении сложной, непонятной и предоставляющей огромный простор для злоупотреблений правом конструкции.

Буквально через несколько дней после опубликования определения суды стали ссылаться на него при рассмотрении требований уполномоченного органа о возмещении убытков к управляющему и расширительно толковать изложенную в нем правовую позицию. Зачастую обстоятельства и правовое обоснование заявленных требований, на которые ссылается ФНС, не были тождественны рассмотренному делу и их связывало только то, что действия арбитражного управляющего, повлекшие уменьшение конкурсной массы, ранее были признаны судом недобросовестными, а с ИФНС как с заявителя в деле о банкротстве взысканы денежные средства на проведение процедуры².

Потребовалось значительное время для того, чтобы ВС РФ осознал опасность иного, созданного им же совместно с тогда еще действующим ВАС РФ, механизма преодоления ограничений норм об исковой давности для оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства (ст. 10, 168 ГК РФ). Обращаясь к данной конструкции на первых порах, высший суд, безусловно, исходил из необходимости исправить конкретные ошибки, допущенные нижестоящими институтами, но рано или поздно количество переходит в качество. Сегодня, после того как судебная система в буквальном смысле захлебнулась в огромном потоке подобных заявлений, Верховный Суд возвращается к этой конструкции лишь для того, чтобы подчеркнуть ее исключительность и сузить круг возможного применения³.

То же самое может произойти и в случае, если логика, предложенная Коллегией при рассмотрении комментируемого дела, получит широкое распространение.

Фактические обстоятельства дела

ФНС России обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании сельскохозяйственной артели несостоятельной (банкротом). Определением Арбитражного суда Воронежской области от 23.03.2006 по делу № А14-121/2006 в отношении артели введена процедура наблюдения, решением того же суда от 22.06.2006 она признана несостоятельной (банкротом).

Определением Арбитражного суда Воронежской области от 29.12.2011, вынесенным в рамках дела о банкротстве артели, признаны незаконными действия конкурсного управляющего, выразившиеся в необоснованном завышении текущих расходов на оплату услуг привлеченного им общества. Данные действия привели

² См.: постановление АС Центрального округа от 07.02.2018 по делу № А14-5565/2017.

³ См.: определения ВС РФ от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886, от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886 (1), от 12.02.2018 № 305-ЭС15-5734 (4, 5).

к выбытию из конкурсной массы 1 083 266 руб. 67 коп. в период до 11.03.2010. ФНС России в деле о банкротстве обращалась в суд с заявлением о взыскании этой суммы с управляющего в конкурсную массу артели. Определением Арбитражного суда Воронежской области от 13.01.2014 в удовлетворении требования отказано в связи с пропуском срока исковой давности.

Все поступившие в конкурсную массу денежные средства израсходованы на погашение текущих обязательств. Требования кредиторов, включенные в реестр, остались непогашенными.

Определением Арбитражного суда Воронежской области от 19.11.2014 конкурсное производство в отношении артели завершено.

После завершения конкурсного производства определениями Арбитражного суда Воронежской области от 03.03.2015, 31.03.2015, 13.04.2015, 26.05.2015 с ФНС России как с заявителя по делу о банкротстве взысканы вознаграждение в пользу конкурсного управляющего, а также вознаграждение за оказанные услуги в пользу привлеченных лиц. На основании указанных определений заявителем возмещены расходы по делу о банкротстве в общей сумме 832 043 руб. 01 коп.

Сославшись на то, что в результате действий управляющего конкурсная масса уменьшилась, в том числе на 1 083 266 руб. 67 коп., что, в свою очередь, стало причиной нехватки средств для погашения возникших впоследствии судебных расходов и расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему, переложенных на ФНС России, уполномоченный орган 25.03.2016 обратился в Арбитражный суд Воронежской области с иском к арбитражному управляющему о взыскании с него 832 043 руб. 01 коп. в порядке возмещения убытков.

Управляющий заявил о пропуске срока исковой давности.

Суд первой инстанции исковое требование удовлетворил, указав, что обращение уполномоченного органа с настоящим иском о взыскании денежных средств в свою пользу основано на возмещении им как заявителем расходов по делу о банкротстве, возникших вследствие неправомерных действий арбитражного управляющего, поскольку возможность предъявления такого требования у ФНС России появилась только после взыскания с нее упомянутых сумм. Суд признал срок исковой давности непропущенным. Поданное ранее уполномоченным органом заявление о возмещении убытков, рассмотренное в деле о банкротстве, имело под собой иное основание, являлось по своей сути косвенным иском, направленным на защиту интересов должника и всех его кредиторов путем взыскания денежных средств в конкурсную массу.

Суд апелляционной инстанции отменил данное решение. Указал на пропуск сроков исковой давности, но согласился с наличием у уполномоченного органа права на иск в материальном смысле, заметив, что недостаточность имущества, в связи с которой оплата расходов по делу о банкротстве была возложена на ФНС России, находится в причинно-следственной связи с действиями, совершенными управляющим в 2010 г., т.е. за пределами срока исковой давности.

Суд округа согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Коллегия отменила постановления апелляционного суда и суда округа. Дело направлено на новое рассмотрение в апелляционный суд. Свои выводы Коллегия основывала на следующих утверждениях.

Суды апелляционной инстанции и округа сочли, что начало течения срока исковой давности связано с моментом осведомленности уполномоченного органа о совершении арбитражным управляющим незаконных действий по расходованию средств должника.

Однако по общему правилу п. 1 ст. 200 ГК РФ начало течения срока исковой давности зависит прежде всего от того, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Следовательно, *для правильного определения начала течения срока исковой давности необходимо в том числе определить, какое именно право обращающегося за судебной защитой лица нарушено в том или ином случае. Моменты получения истцом (заявителем) информации об определенных действиях ответчика и о нарушении этими действиями его прав могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня осведомленности истца (заявителя) о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.*

Комментарий

Для отечественного правопорядка традиционным является правило, что начало течения исковой давности возможно при наличии совокупности двух элементов: лицо знает или должно знать о факте нарушения своего права и установлена личность нарушителя (так называемый двуединый состав элементов задавнивания). В случае наличия у истца затруднений с определением точного размера ущерба на помощь приходит суд, присуждая ту сумму, которую считает достаточной исходя из конкретных обстоятельств дела и сложившейся практики.

А.Г. Карапетов в своих комментариях к данному определению указывает, что это «первый судебный акт высшего суда, в котором проявилась идея о том, что исковая давность должна отсчитываться не с момента, когда о правонарушении узнал потерпевший, а с момента, когда в результате данного правонарушения у потерпевшего материализовались убытки»⁴, т.е. с момента возможности их точного определения и расчета.

С.В. Сарбаш не исключает теоретическую возможность включения третьего элемента в число субъективных факторов, определяющих начало течения сроков исковой давности. Это знание о виде и размере притязаний. Автор указывает, что неупоминание этого критерия в ст. 200 ГК РФ не препятствует судам делать вывод о необходимости его точного определения, руководствуясь телеологическим

⁴ *Карапетов А.Г.* Практика Верховного Суда РФ по сделкам, договорам и обязательствам за январь 2018 года: обзор и комментарий // Закон.ру. 2018. 12 февр. URL: https://zakon.ru/blog/2018/02/12/praktika_verhovnogo_suda_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_yanvar_2018_goda_obzor_i_kommen.

толкованием закона⁵, что и попытался сделать высший суд в рассматриваемом споре.

Действительно, в исключительных случаях для определения момента начала срока исковой давности оправданной может показаться не дата, с которой субъект узнал о том, что было совершено правонарушение, а момент, когда он выяснил, что это правонарушение повлекло за собой убытки. Эти аспекты могут различаться, т.е. негативный эффект от совершения неправомерного действия начинает сказываться через какое-то время.

Иностранные правовые порядки столкнулись с данной проблемой при рассмотрении исков о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью⁶, а также природоохранных исков, когда негативный эффект от совершения тех или иных действий выразился спустя 15–25 лет (так называемые асбестовые дела⁷). К ее разрешению они подходят различными методами.

Так, английские суды, столетиями разрабатывающие теорию деликтной ответственности, о наличии третьего элемента при рассмотрении подобных споров речь не ведут. При вынесении решения суд отдельно указывает, от чего он отталкивается в конкретном случае, — от идеи причинения (факта совершения противоправного действия) или идеи результата (факта наступления определенных негативных последствий). При этом основной акцент смещается с вопроса о сроке на доказывание наличия причинно-следственной связи между тем или иным действием и конкретным результатом (*Causation*).

Вопросу о причинности в делах о деликтной ответственности посвящены огромные труды. Сформирована сложная, но очень гибкая система деликтных правоотношений и целый ряд тестов, который и позволяет (чаще всего без существенных затруднений) определить виновного, основание для возмещения, установить связь между деянием и наступившим негативным результатом, разумные сроки для обращения с требованием о взыскании и т.д. При этом наиболее широкое распространение получила (равно как и в нашей стране) именно теория причинения, т.е. срок начинает течь с момента, когда правонарушение было совершено и об этом стало известно пострадавшему. Суды и в этом случае могут расширить пределы сроков, но для этого вновь будет использоваться теория причинности. Суд может подходить к вопросу давности, руководствуясь положениями о множественности причин или теорией последовательности определенных причин, когда невозможно определить, что именно привело к негативному результату, или когда по от-

⁵ См.: Сделки, представительство, исковая давность. Постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ / под ред. А.Г. Карапетова. М., 2018. С. 886–888 (автор комментария — С.В. Сарбаш).

⁶ Одним из дел, получивших прецедентное значение, является «Фэйрчайлд против похоронного бюро Глэнхейвена» (см.: Fairchild (suing on her own behalf) etc. v. Glenhaven Funeral Services Ltd and others etc., 2002. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200102/ldjudgmt/jd020620/fchild-1.htm>).

⁷ См.: Поливанов А. Бездна асбестовая // Газета.ру. 2005. 1 дек. URL: <https://www.gazeta.ru/financial/499213.shtml?updated>.

дельности ни одно из событий не имело бы того же итога, а размер ущерба значительно увеличился под влиянием синергетического эффекта различных факторов.

Европейская модель предлагает приостанавливать исчисление сроков исковой давности на период установления личности нарушителя и вида причиненного вреда⁸. Дополнительный третий элемент также не вводится, смещение момента начала сроков исковой давности не происходит.

Проблема исчисления сроков по требованиям из причинения вреда жизни и здоровью в отечественной доктрине решена иным образом. В соответствии со ст. 208 ГК РФ исковая давность на них не распространяется. Для иных обязательств в ст. 200 ГК РФ закреплен объективный 10-летний срок исковой давности. По общему правилу началом течения такого 10-летнего срока является день нарушения права, но для бессрочных обязательств или обязательств до востребования установлен иной порядок — 10 лет с момента возникновения самого обязательства⁹.

Как уже было указано выше, практика высшего суда по расширению границ исковой давности не нова. В этот раз она реализовалась через идею субъективного знания о точном размере причиненного убытка.

Сложилась очень странная ситуация. Законодательная власть делает все, чтобы максимально жестко ограничить сроки исковой давности и обеспечить стабильность оборота, а судебная каждый раз изобретает новые механизмы, чтобы их сдвинуть.

В работах практикующих юристов попытка перенести эту идею на институт банкротства уже была предпринята. Коллеги указывают, что «срок исковой давности по требованию о привлечении к субсидиарной ответственности, *по общему правилу* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — А.М.), исчисляется с момента, когда действующий в интересах всех кредиторов арбитражный управляющий или обычный независимый кредитор, обладающий правом на подачу заявления, узнал или должен был узнать о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности — о совокупности следующих обстоятельств:

- о лице, имеющем статус контролирующего должника лица;
- его неправомерных действиях (бездействии), причинивших вред кредиторам и влекущих за собой субсидиарную ответственность;

⁸ См.: ст. III.-7:301 Модельных правил европейского частного права (*Bar C., von, Clive E. et al., eds. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Articles and Comments.* P. 526–529. URL: http://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EUROPEAN_PRIVATE_LAW/EN_EPL_20100107_Principles_definitions_and_model_rules_of_European_private_law_-_Draft_Common_Frame_of_Reference__DCFR_.pdf.

⁹ См.: п. 7, 8 постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности».

- *о недостаточности активов должника для проведения расчетов со всеми кредиторами (без выяснения точного размера такой недостаточности)»¹⁰.*

С данным утверждением трудно не согласиться, но, строго говоря, признак осведомленности находит свое отражение только применительно к ст. 61.11 Закона о банкротстве («Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов»), а не ко всем основаниям, предусмотренным главой III.2 этого Закона, как указывает автор. С практической точки зрения этот признак полностью нивелируется нормами о предоставлении права обратиться с заявлением о привлечении к данному виду ответственности в ходе любой процедуры (ст. 61.14 Закона о банкротстве), а затем приостановить его рассмотрение до момента определения точного размера субсидиарной ответственности (ст. 61.16 Закона о банкротстве).

Более того, ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, предусмотренную в ст. 61.11 Закона о банкротстве, вообще очень сложно назвать субсидиарной. Отечественные исследователи отмечают, что это удвоенная сущность обычной деликтной ответственности, необоснованно включенная в законодательство о банкротстве¹¹. Таким образом, распространение этого признака осведомленности на все случаи, предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве, не совсем оправданно.

Традиционно институт возмещения убытков из любых противоправных действий преследует две цели: превентивную и компенсационную. Пропуск сроков давности для обращения с требованием о возмещении не свидетельствует о легализации того или иного противоправного деяния в глазах правопорядка, он лишь устанавливает утрату права на компенсацию из-за пассивности самого пострадавшего. Суд при рассмотрении подобных дел должен указать на противоправный характер действий виновного, способствуя реализации превентивной функции, но отказать в возмещении. Именно так и поступил суд апелляционной инстанции в рассматриваемом случае.

В соответствии со ст. 9 АПК РФ лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий. Согласно п. 12 постановления Пленума ВС РФ, Пленума ВАС РФ от 28.02.1995 № 2/1 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином-предпринимателем, по требованиям, связанным с осуществлением им предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска. В силу ст. 2 Закона о банкротстве уполномоченный орган — федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством РФ на представление в деле о банкротстве

¹⁰ *Лотфуллин Р.К.* Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве. М., 2018. С. 43. URL: <http://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2018/02/Subsidiarnaya-i-inaya-otvetstvennost.pdf>.

¹¹ См., напр.: *Егоров А.В., Усачева К.А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства — неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

и применяемых в нем процедурах требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам. Иными словами, законодатель прямо указывает, что при проведении процедур банкротства ИФНС является профессиональным участником, представляющим публичные интересы.

В рассматриваемом деле уполномоченный орган дважды не реализовал предоставленное ему законом право на защиту. Первый раз — пропустив срок для обращения за компенсацией в пользу конкурсной массы при проведении банкротства должника. Второй — не сославшись на правило *ex turpi causa non oritur actio* (истец не может добиваться защиты, если требование возникает в связи с его собственным незаконным действием)¹² при рассмотрении заявления арбитражного управляющего о выплате ему вознаграждения. Если исходить из равенства всех участников процедуры несостоятельности (уполномоченного органа и ординарного кредитора), оправданным со стороны высшего суда было бы применить другой принцип, известный со времен римского права для отказа в защите потерпевшему, вред которому причинен с его согласия (молчаливого одобрения), — *volenti non fit injuria*. Например, в английском деликтном праве ссылка ответчика на это правило является абсолютным способом защиты от предъявленных истцом требований¹³.

В комментируемом определении Коллегия отметила:

«В рассматриваемом случае в цену иска ФНС России включила два вида своих затрат: во-первых, суммы, взысканные с нее в пользу арбитражного управляющего в качестве его вознаграждения; во-вторых, суммы, взысканные с уполномоченного органа в пользу лиц, привлеченных для обеспечения проведения процедур банкротства».

Относительно первого вида затрат высший суд совершенно оправданно указывает, что «если возложение на заявителя по делу о банкротстве расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему вызвано неправомерным расходом самим арбитражным управляющим конкурсной массы, по общему правилу защита соответствующего права (интереса) заявителя должна осуществляться через подачу им возражений со ссылкой на недопустимость извлечения управляющим преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Такие возражения должны быть поданы заявителем и рассмотрены судом при разрешении ходатайства арбитражного управляющего о взыскании вознаграждения с заявителя по делу о банкротстве».

¹² Подробнее об этой правовой доктрине см.: Будылин С. Дело о экстратерриториальном банкротстве. Два разбойника, глобальное потепление, карусель и экспортный НДС // Закон.ру. 2015. 27 окт. URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/27/delo_o_ekstraterritorialnom_bankrotstve__dva_razbojnika_globalnoe_poteplenie_karusel_i_eksportnyj_nd/.

¹³ См., напр.: *Titchener v. British Railways Board* [1983] 1 WLR 1427. URL: <http://e-lawresources.co.uk/Titchener-v-British-Railways-Board.php>; *Ratcliff v. McConnell* [1997] EWCA Civ. 2679. URL: <http://www.e-lawresources.co.uk/cases/Ratcliff-v-McConnell.php>.

Коллегия считает, что «по смыслу разъяснений, изложенных в абзаце третьем пункта 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве», если вопрос (возражение) о снижении вознаграждения арбитражного управляющего не был рассмотрен судом при установлении соответствующего вознаграждения, участвующее в деле о банкротстве лицо вправе потребовать от управляющего возврата соответствующей части выплаченной ему суммы», и приходит к выводу, что в этой части не исключается возможность предъявления ФНС России иска о возврате управляющим суммы вознаграждения уполномоченному органу.

Однако Коллегия почему-то игнорирует, что в п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 прямо указано, что *«данное требование предъявляется в рамках дела о банкротстве и рассматривается в порядке, предусмотренном ст. 60 Закона о банкротстве»*. В п. 48 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (в ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» указывается, что *«жалоба на действия (бездействие) арбитражного управляющего [ст. 60 Закона о банкротстве] может быть подана в арбитражный суд в течение общего срока исковой давности (статья 196 ГК РФ) до завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу»*, а в п. 53 того же постановления говорится, что *«требования кредиторов о возмещении убытков, причиненных арбитражным управляющим (п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве), а также о возмещении убытков, причиненных должнику — юридическому лицу его органами, могут быть предъявлены и рассмотрены только в рамках дела о банкротстве. После завершения конкурсного производства либо прекращения производства по делу о банкротстве требования о возмещении упомянутых убытков, если они не были предъявлены и рассмотрены в рамках дела о банкротстве, могут быть заявлены в общеисковом порядке в пределах оставшегося срока исковой давности»*.

Таким образом, требования ИФНС нужно рассматривать либо по правилам ст. 60 Закона о банкротстве — следовательно, они не могут быть заявлены после окончания процедуры, либо по правилам ст. 20.4 этого Закона, — но строго формально данное требование уже было заявлено и рассмотрено в самой процедуре. При этом ВС РФ ссылается на первый вариант и забывает об установленных п. 48 упомянутого выше постановления Пленума ВАС РФ ограничениях.

В отношении второго вида затрат, о которых сказано в комментируемом определении, целесообразно отметить, что в соответствии с п. 3 постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» суд может снизить размер взыскиваемой оплаты услуг привлеченного лица или полностью отказать в ее взыскании, если будет доказано, что привлечение этого лица было необоснованным в целом или в части, требование о возмещении расходов на оплату услуг привлеченных лиц предъявляется в суд, рассматривающий дело о банкротстве, и рассматривается судьей единолично в порядке, установленном ст. 60 Закона о банкротстве, т.е. также только в деле о банкротстве. В п. 4 того же постановления указано, что, привлекая лицо, арбитражный управляющий обязан в числе прочего учитывать возможность оплаты его услуг за счет имущества должника.

В комментируемом определении говорится, что при рассмотрении обособленных споров о взыскании с уполномоченного органа в пользу третьих лиц вознаграждения за услуги, оказанные ими в процедурах банкротства, ФНС России в качестве возражения в принципе не могла ссылаться на внутренние отношения кредиторов с арбитражным управляющим, касающиеся предыдущего расходования конкурсной массы. Поэтому в данной части в рамках упомянутых обособленных споров расходы в любом случае подлежали взысканию с уполномоченного органа. При этом такое взыскание не освобождало виновное лицо от выплаты заявителю компенсации в возмещение возникших убытков.

Опуская возможность оспорить неоправданное привлечение третьих лиц и наличие у заявителя права обратиться в суд с требованием о прекращении процедуры в связи с отсутствием средств на ее дальнейшее финансирование, можно сказать, что более удачной с точки зрения юридической техники представляется ссылка на п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91, где прямо указано, что «при обнаружении арбитражным управляющим факта недостаточности имеющегося у должника имущества для осуществления расходов по делу о банкротстве он не вправе осуществлять такие расходы в расчете на последующее возмещение их заявителем, а обязан обратиться в суд, рассматривающий дело о банкротстве, с заявлением о прекращении производства по делу на основании абзаца восьмого пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве.

Если арбитражный управляющий не обратится в суд с названным заявлением, впоследствии понесенные им расходы, в том числе невыплаченное арбитражному управляющему вознаграждение, в отношении которых доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии средств для погашения их за счет имущества должника, *не подлежат взысканию с заявителя* (но тут снова встает неудобный вопрос, почему ИФНС промолчало при рассмотрении заявления управляющего о выплате ему вознаграждения? — А.М.).

Кроме того, если арбитражный управляющий не обратится с указанным заявлением, впоследствии заявитель вправе вне рамок дела о банкротстве взыскать с него убытки, понесенные в связи с необходимостью оплаты им привлеченным лицам оказанных ими услуг, в отношении которых доказано, что арбитражный управляющий знал или должен был знать об отсутствии средств для погашения их за счет имущества должника».

Крайне неоднозначными представляются и следующие аргументы Суда:

«По общему правилу пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации начало течения срока исковой давности зависит, прежде всего, от того, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Следовательно, для правильного определения начала течения срока исковой давности необходимо, в том числе определить, какое именно право обращающегося за судебной защитой лица нарушено в том или ином случае.

Моменты получения истцом (заявителем) информации об определенных действиях ответчика и о нарушении этими действиями его прав могут не совпадать.

При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня осведомленности истца (заявителя) о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя».

Во-первых, ст. 143 Закона о банкротстве предусматривает обязанность арбитражного управляющего отчитываться перед своими кредиторами минимум раз в три месяца, в связи с чем трудно себе представить, что ИФНС, будучи профессиональным участником процедур о несостоятельности, не отдавала себе отчет, что все расходы лягут именно на заявителя. Во-вторых, если внимательно изучить карточку самого дела о банкротстве № А14-121/2006, то будет понятно, что на протяжении всей процедуры банкротства инспекция вела себя очень активно (в том числе возражала против удовлетворения за ее счет требований об оплате бухгалтерских услуг, оказанных конкурсному управляющему)¹⁴.

В подобной ситуации оправданным было бы повышение требований, предъявляемых к участнику дела о банкротстве, а не снижение таковых. Последний аргумент становится еще весомее, если принять во внимание, что именно его судья И.В. Разумов, председательствовавший при рассмотрении комментируемого дела, в схожих ситуациях часто использует для обоснования отказа в пересмотре. В частности, в определении ВС РФ от 15.08.2016 № 304-ЭС16-9059 сказано, что «суды верно указали, что банк в процессе банкротства закрытого акционерного общества... имел в своем распоряжении ряд правовых механизмов, но не предпринял разумно необходимых действий для защиты своих прав. Доводы заявителя были предметом рассмотрения судов и получили надлежащую правовую оценку. Полномочиями по переоценке доказательств и разрешению вопросов факта Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации не наделена».

Подводя итог, хотелось бы согласиться с С.В. Сарбашом, который, указывая на возможность включения нового элемента (знания о виде и размере притязаний), делает существенную оговорку о том, что это преждевременно, так как неминуемо повлечет усиление правовой неопределенности, оградить от которой сможет только объективная десятилетняя давность. Сам вопрос о введении данного элемента он называет недостаточно исследованным и дискуссионным¹⁵.

Комментируемое определение наилучшим образом обнажает еще одну давно назревшую проблему, требующую отдельного исследования и обсуждения: обоснованность положений закона о возложении на заявителя по делу о банкротстве бремени несения расходов, связанных с проведением процедуры.

¹⁴ См., напр.: определение ВС РФ от 09.03.2016 № 310-ЭС16-651.

¹⁵ См.: Сделки, представительство, исковая давность. С. 887–888 (автор комментария — С.В. Сарбаш).